

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

М.А. Жигунова

*кандидат исторических наук, докторант
кафедры этнографии и музееведения*

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Русские в настоящее время являются самой многочисленной этнической группой в Западной Сибири (около 14 млн. чел.). Современное население этого региона отличается довольно высокой гетерогенностью, обусловленной спецификой заселения и расселения, различными социально-экономическими, природно-географическими, этническими и другими факторами. В данной работе мы не будем останавливаться на различиях отдельных групп, посвятив основное внимание наиболее общим моментам, характерным для подавляющего большинства русских. Социально-экономические и политические процессы середины 1980-х–1990-х гг., кардинальные перемены, происходящие в современном российском обществе, стимулировали развитие новых исследовательских подходов и тем, что во многом было обусловлено снятием определенного политического и идеологического давления, практически исключавшего ранее их полноценное изучение. До недавнего времени православие, пронизывающее все сферы народной жизни, «не только не изучалось (за малым исключением), но и нарочито затемнялось, проявления его искажались» [1]. Как известно, в бланках Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. не было графы «национальность», а записывалось вероисповедание. Это свидетельствует об определяющей роли религиозного фактора в жизни российского общества в конце XIX в. Религиозные нормы регламентировали практически все отношения (как коллективные, так и личностные), считалось, что «*Все от Бога*» и «*На все Божья воля*». Слова «русский» и «православный» являлись, практически, синонимичными. В современном

языке прилагательным «православный» зачастую обозначается лишь внешняя форма некоего христианского религиозного явления, а словом «ортодоксальный» – го сущность» [2].

В нашей работе мы рассмотрим православные традиции в современной культуре русского населения Западной Сибири, основываясь на этнографических и этносоциологических материалах, собранных под руководством автора среди городского и сельского населения Алтайского края, Омской, Новосибирской, Томской и Тюменской областей, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов в 1985-2007 гг. Эти материалы собирались экспедициями Омского государственного университета, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (с 2006 г. – Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН), Сибирского филиала Российского института культурологии, Омской областной общественной организации «Центр славянских традиций», а также – лично автором. В качестве дополнительных источников использовались фольклорные материалы, публикации в средствах массовой информации, а также – авторский опыт преподавания в Омском государственном университете лекционных курсов: «История мировых религий», «Обряды жизненного цикла восточных славян», «Современные этнические процессы у русских Сибири», «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры».

Различные аспекты православной тематики затрагивались практически всеми современными исследователями культуры русского населения Западной Сибири: П.Е. Бардиной, М.Л. Бережновой, Ф.Ф. Болоневым, О.В. Голубковой, М.М. Громько, М.А. Жигуновой, В.А. Зверевым, Т.Н. Золотовой, В.А. Липинской, Г.В. Любимовой, А.Ю. Майничевой, Н.А. Миненко, Л.М. Русаковой, Е.Ф. Фурсовой и др. В последние годы опубликованы коллективные монографии и сборники научных статей, посвященные православным традициям в народной культуре восточных славян [3]. Как правило, хронологические рамки этнографических исследований ограничиваются началом XX в., публикации по современной культуре русских немногочисленны и фрагментарны [4]. Итоги некоторых исследований автора по заявленной теме были опубликованы ранее [5]. Одним из сложнейших является вопрос о том, как анализировать феномен религии в настоящее время, «поскольку исследователь попадает в логический круг: чтобы квалифицировать индивидуальную религиозность, он должен пользоваться общими категориями универсальной «всеобщей истории религии» и типологии «религиозности» как таковой, но чтобы создать такую типологию, он должен описать все многообразие индивидуальной и групповой религиозности» [6].

Еще середине XX в. определяющей государственной мировоззренческой доктриной в советском обществе являлся атеизм («безбожие», «неверие ни в какого Бога»). Он основывался на философском диалектическом и историческом материализме и напрямую связывал борьбу за преодоление религиозных предрассудков с борьбой всех трудящихся за социалистическое

общество и построение коммунизма. Под девизом «*Без Бога – шире дорога*» устраивались различные антирелигиозные мероприятия. В связи с этим была прервана многовековая православная традиция, характерная для русской культуры.

В качестве примера можно привести отношение к иконам, которые в православном культе всегда особо почитались. А в 1960-е гг. считалось, что «иконы как наглядное средство религиозной пропаганды играют реакционную роль, они внушают мысль о тщетности и суетности всего земного, о бессилии и слабости человека. Само изображение скорбного святого зовет к пассивности, расслабляет волю человека, способствует формированию неправильных представлений об окружающем мире» [7]. Многие иконы были уничтожены, они сжигались на кострах, распиливались на части, использовались в качестве кухонных разделочных досок. Отдельные «домашние» иконы прятались в сундуках и других укромных местах. Поэтому православные иконы практически исчезли с обозрения, их место в красном углу на божничках заняли почетные грамоты, вымпелы, фотографии государственных и партийных деятелей, близких людей и родственников. С конца 1980-х-начала 1990-х гг. вновь возвращаются в интерьер русских жилищ разнообразные иконы и иконки, которые располагаются в современных жилищах не столько на традиционных божницах и киотах, сколько на стенах, стеллажах, книжных полках и шкафах. Иногда они подвешиваются в углу комнаты. Согласно данным этносоциологических опросов 2000–2007 гг., наиболее часто у русских жителей Западной Сибири встречаются различные иконы Богородицы, Иисуса Христа и Николая Угодника. Довольно часто можно встретить иконки в автомобилях и автобусах.

На современных атеистов, которые «*не верят ни в кого и ни во что*» приходится 5 % опрошенных (преимущественно, это мужчины среднего возраста и юноши). При уточняющих ответах выяснилось, что среди них встречаются не только «*атеисты по натуре/убежденные/воинствующие и невоинствующие*», но и - «*крещеные атеисты*», «*православные атеисты*». Многие из них (будучи еще детьми) были крещены в православие и считают, что «*вероисповедание человек должен избирать сам в сознательном возрасте, а не принимать обряд крещения в бессмысленном младенчестве*». Как оказалось, около половины лиц, назвавшихся атеистами, верят в существование души и загробного мира. Иллюстрацией к этому служат экспедиционные материалы 2003 г., собранные нами в Алтайском крае: «*После тяжелой продолжительной болезни умирал коммунист. Он попросил свою жену положить ему в гроб сборник статей В.И. Ленина. Жена в точности исполнила его предсмертный наказ*». По-видимому, прав был Н.А. Бердяев, когда говорил, что «*русские – верующие и тогда, когда исповедуют материалистический коммунизм*» [8].

Вопрос о количестве православных в современной России относится к дискуссионным, разные исследователи приводят разные цифры, разброс которых просто поражает: от 2 до 70 %. Схожая тенденция прослеживается и

по результатам наших исследований: от 5-10 % до 70-80 % опрошенных в 2000-2007 гг. Ситуация объясняется тем, что используются разные критерии, зачастую не совпадают самоидентификация и реальная ситуация. Так, примерно 2/3 респондентов западносибирского региона считают себя православными. Но, треть из них не принимали обряд крещения, более половины не носят нательный крест, не знают молитв, нерегулярно ходят в церковь, не знают и не отмечают религиозные праздники (за исключением Рождества и Пасхи), не соблюдают религиозные посты, не знают всех тонкостей поведения в церкви и т.д.. Таким образом, с точки зрения официальной православной церкви, эти люди не могут считаться истинными православными.

Интересно, что принадлежность к православию иногда воспринимается как некая данность: *«Я – русская, родилась и живу в России – значит, я - православная»*. После уточняющих и разъясняющих ответов примерно 80 % респондентов затруднились четко определить свою конфессиональную принадлежность: *«Не знаю, никакой»*, *«И верю, и не верю»*, *«Не верующий, но и не атеист»*, *«Не знаю, раньше говорили, что Бога нет, а теперь – наоборот»*, *«Верю во что-то свыше»*, *«Не знаю, кто я - у родителей вера разная»*, *«Не верю в Бога, которого нам проповедуют и навязывают, у каждого он свой»* и др. Также встретились единичные ответы: *«крещена, но скорее - язычница»*, *«крещеный атеист»*, *«православный мусульманин»*, *«православный потомок Чингиз-хана»*.

Значительная часть опрошенных *«в Бога верят, но верующими назвать себя не могут»*, так как *«в церковь регулярно не ходят»*, *«постов не соблюдают»*, *«не причащаются»*, *«молитв постоянно не читают»*, *«молятся своими словами»*, *«верят, когда прижмет»* и т.д. Встречаются в этой группе *«верующие в разумных пределах»* и *«верующие по привычке»*. Повсеместно встречается мнение, что соблюдение всех внешних церковных постулатов не обязательно, *«главное – верить в душе»*. Вот несколько наиболее характерных суждений: *«Я - православная, но отрицательно отношусь к церквям»*, *«К соблюдению религиозных обрядов я отношусь скептически, считаю, что не обязательно идти в церковь, если хочешь поговорить с Богом, не обязательно прочитать определенное количество молитв в какой-то последовательности и отбить положенное количество поклонов»*, *«Знаю одну молитву - «Отче наш», да и то только потому, что ее заставляли выучить в школе на уроке литературы, оценку, кстати, за это поставили»*. Очень часто в ответах звучало: *«Я по-своему верю в Бога»*. Показателен ответ молодой девушки 20 лет: *«В нашем доме есть иконы, книги, но мы никогда не говорим о православной вере вслух, у каждого она - в сердце. Церковь посещаем редко, только когда чувствуешь в этом внутреннее тяготение, наверное, где-то на подсознательном уровне – «голос предков», когда «тяжело на душе». Младшего брата мама отвела в воскресную школу, постепенно расстановка приоритетов и ценностей в жизни изменяются. Как бы не сложилось у каждого из нас, и в России в целом, нужно оставаться со своей верой в сердце. Главное, не оставаться*

равнодушным ко всему, что происходит вокруг тебя. Просто уважать духовную мудрость, традиции и образ жизни наших предков».

Интересны рассуждения современников о вере. Считается, что каждый человек всегда во что-то верит, на что-то надеется. Именно вера движет поступками людей, их взглядами и представлениями о жизни, силой веры каждый из нас может совершить невозможное: *«Удобно во что-то верить. Верой можно оправдать или объяснить некоторые явления, не поддающиеся пониманию»*, *«Каждый человек имеет право верить в то, во что он желает верить»*, *«Вера во всех отношениях – это надежда и опора человека, его спасение, пристанище, куда всегда он может обратиться и найти покой»*. Показателен ответ молодого человека: *«Лично для меня вера обозначает не регулярные походы в церковь по воскресениям и на Пасху, не чтение молитв и не сдерживание себя в постах. Я верю в то, что есть Организатор, Создатель, Высший Дух, если можно так сказать, который все это создал. Даже если мы произошли от обезьян, а те - от амёб, то встает вопрос: откуда взялась амёба или то, из чего она создана? Я, наверное, многого не понимаю, но почему-то мне кажется, что у основной массы наших верующих соотечественников отношение к православию какое-то обывательское, даже мещанское, как договор об обмене. Когда после Перестройки отменили все, что могли, люди растерялись. У большинства не осталось ничего стабильного, а это самое страшное, когда не во что верить. Конечно, каждый надеется, что все будет хорошо у него, у его родителей и детей. Но я говорю не об этом. Должна быть еще Высшая вера, духовная. Тут появляется Бог на смену светлomu коммунистическому будущему»*.

Как правило, большинство опрошенных признались, что обращались к религии в результате каких-то сильных потрясений, изменений, в трудные и переломные моменты своей жизни, когда находились в пограничном состоянии, не были уверены в своих собственных силах и пытались прибегнуть к помощи сил сверхъестественных. Вера помогала обрести спокойствие, равновесие, ориентир в дальнейших действиях и поступках. Зачастую встречаются случаи, когда различные религиозные действия совершаются по принципу: *«На всякий случай, авось поможет»*. Так, посещение церкви и чтение молитв прослеживается среди студентов и школьников (особенно – девушек) накануне сдачи экзаменов, среди молодоженов – после регистрации брака, среди больных – перед ответственной операцией и даже среди научных сотрудников – после отправки документов на конкурс грантов.

К «настоящим» или «истинным» православным (христианам) относят себя лишь 5–10 % от всех опрошенных в 2000–2007 гг. Эти люди живут по церковным канонам, знают основы христианского учения, регулярно читают Библию, молятся и ходят в церковь, участвуют в главных христианских таинствах (крещение, исповедь, причастие, миропомазание, венчание и др.), соблюдают все религиозные посты, традиционно отмечают религиозные праздники.

Обвальным распад марксистско-ленинской идеологии и гносеологии в конце прошлого века привел к образованию своеобразного мировоззренческого вакуума. В соответствии с народной мудростью, что «Свято место пусто не бывает», возникшая пустота стала заполняться как традиционными для русских представлениями, так и абсолютно новыми. Наиболее активно этот процесс протекал в 1990-е гг. Так, только на территории Омска и Омской области за период с апреля 1991 г. по сентябрь 1996 г. было зарегистрировано 125 религиозных объединений, принадлежащих к различным конфессиям [9]. Примерно 5 % опрошенных русских относят себя к язычникам, мусульманам, буддистам, кришнаитам, мармонам, сатанистам и др. Весной 1996 г. в крупнейшем омском спортивно-культурном комплексе «Иртыш» американские миссионеры «Церкви Христа» на протяжении двух дней призывали молодых омичей молиться за Америку и подвергнуть ревизии исконное Русское православие. Это вызвало всплеск общественного недовольства, который вылился в первомайский митинг с характерными плакатами: *«Россия – не свалка религиозных отходов»*, *«Тоталитарным сектам – нет»*. В марте 1997 г. в парадном зале Омского областного Музея изобразительных искусств имени М.В. Врубеля состоялось торжественное подписание соглашения между Администрацией Омской области и Омско-Тарской епархией. Газеты писали: *«Возможно, впервые, объединяются усилия властей и русской Православной Церкви в стремлении возродить лучшие духовные традиции нашего общества, укрепить сотрудничество и совместное участие в воспитании детей и молодежи, расширить рамки миротворческой деятельности, межконфессионального понимания.... Подобный договор, где стороны взяли на себя обязательства по сотрудничеству в самых различных сферах – первый в России»* [10].

Первичным этапом, введившим в православную общину нового члена, являлся церковный обряд крещения. В 1950–1960-е гг. в Западной Сибири частично сохранялось крещение детей «домашним способом» и наречение ребенка именем святого-покровителя из церковного календаря – Святцев [11]. Пик популярности современного церковного обряда пришелся на середину 1990-х гг., когда крестились не только младенцы, но и дети дошкольного и школьного возраста, взрослые мужчины и женщины. Иногда одновременно крещение принимали сразу три поколения: родители, их дети и внуки. Это связано с тем, что священники отказываются крестить ребенка, если у него некрещеные родители. К концу XX в. восстанавливаются забытые многими понятия «крестных» («вторых», «названных») родителей, которых в Западной Сибири называют также *«лелями/лельками»*. В традиционной культуре крестные при совершении таинства крещения «выполняли двоякую роль: религиозно-магическую (отрекались за открещиваемого от дьявола, вводили его под покровительство христианских святых) и социально-религиозную (приобщали крестника к православной общине). Исполнение обрядовых функций создавало новые взаимоотношения между восприимчиками, их крестниками и родителями

крестников. Эти отношения назывались церковью *духовное родство*, по народной терминологии, *кумовство*» [12]. Свидетельствует об этом и дожившая до нашего времени поговорка: *«Кум с кумою – что брат с сестрою»*. В настоящее время крестных родителей выбирают не только из ближайших родственников, но и из знакомых, друзей, сослуживцев, соседей. Многие молодые люди (особенно – в городской местности) признались, что являются крестными, но не знают своих обязанностей.

Наряду с традиционным церковным крещением, включающим купание в купели или обливание «святой водой» практикуется проведение обряда другими способами. Так, например, в июне 1998 г. с главной пристани Новосибирска после торжественного молебна отправился в миссионерское плавание по Оби теплоход «Святой Апостол Андрей Первозванный». Как сообщил *«один из главных инициаторов православной акции, настоятель Собора Александра Невского Новосибирской епархии Русской Православной Церкви отец Александр Новопашин, этот единственный в России «плавающий храм» совершает свою миссию второй год. В прошлом году в ходе миссии получили крещение в Оби 2,5 тысячи жителей области. В этом году духовно-просветительская экспедиция получила поддержку управлений здравоохранения и социальной защиты областной администрации. Вместе со священниками...в отдаленных селах будут работать группа новосибирских медиков различного профиля. В каждом населенном пункте медики проведут обследование и диагностику жителей и оставят укомплектованный набор медикаментов. Малоимущие сельчане получают помощь в виде продуктов...»* [13]. Принимают участие в современных массовых обрядах крещения и участники комплексной экспедиции «Славянский ход», которая осуществляется на теплоходе «Римский-Корсаков» по Иртышу.

В традиционной культуре русских православная семья воспринималась как «малая церковь», освещенная таинством венчания. Церковные обряды венчания возобновились на территории Западной Сибири с конца 1980-х – начала 1990-х гг. В настоящее время они проводятся как одновременно с гражданским обрядом бракосочетания, так и до, и после него. Встречаются случаи венчания людей, не состоящих официально в браке. Иногда венчаются люди, прожившие вместе уже не один десяток лет. Интересно, что большинство опрошенных студентов Омского государственного университета полагают, что венчание является более значимым шагом, чем регистрация брака в ЗАГСе, поскольку *«венчание – это заключение брака на небесах»*, а регистрация – *«всего лишь гражданская церемония»*. Примерно 30 % опрошенных подчеркивали, что для удачного семейного союза важным является принадлежность супругов к одной религии: *«Одна религия, одна культура, одни традиции и обряды»*. В последние годы чаще стали корректироваться и соблюдаться традиционные сроки проведения свадеб в зависимости от православных постов. Встречаются свадьбы, где жениха и невесту родители (или бабушки-дедушки) благословляют иконой, обрызгивают святой водой.

В настоящее время, при непосредственном участии Русской Православной Церкви, повсеместно наблюдается возрождение святых мест и появление новых священных локусов [14]. В православной традиции особенно ценились природные источники воды, которым приписывались целебные свойства. На территории Омской области наиболее почитаемым является в настоящее время источник, расположенный в Ачаирском Крестовом в честь Животворящего Креста Господня монастыре Омско-Тарской Епархии. Сюда совершают паломничество не только группы из различных регионов России, но – и из Японии, США, Германии, других стран. Множество «святых мест» сохраняются на территории Западной Сибири. Например, горный источник у с. Победа Целинного района Алтайского края. Сюда приезжают испить «святой воды» молодожены в день бракосочетания, бросают в воду монетки «на счастье», на растущие рядом деревья привязывают разноцветные ленточки и полоски ткани («чтобы заветное желание исполнилось»).

У отдельной части населения сохраняется особое отношение к крещенской «святой» воде, купание в крещенской проруби, «чтобы смыть с себя грехи» и «получить здоровье на весь предстоящий год». Так, например, в 2006 г. в Омске, несмотря на 30-градусный мороз, можно было наблюдать организованное купание в крещенской проруби не только на Иртыше, но и в с. Большекулачье, где расположен «святой источник». Там были специально подготовлены палатки для переодевания, организовано дежурство ГАИ для регулирования потока машин. В некоторых омских учреждениях заказывали автобусы для коллективного выезда на крещенские купания. В 2007–2008 гг. количество купающихся в крещенской проруби возросло.

В сознании современного русского населения трудно отделить понятие «народный» праздник от понятия «религиозный». Так, среди названных в качестве традиционных русских праздников (опросы 1986–2006 гг.) явно лидировали следующие: Пасха – 90,3 % опрошенных, Рождество – 70,2 %, Троица – 51,3 %, Масленица – 47,1 %. В большинстве семей их отменение лишено религиозно-магической окраски и объясняется «сохранением дедовских традиций». Практически повсеместно на Святки гадают, на Крещенье ставят крестики, купаются в проруби, набирают «святую воду», на Пасху - красят яйца и пекут куличи. Дети и молодежь на Ивана Купалу обливаются водой, некоторые девушки на Покров Богородицы ходят в церковь, чтобы поставить свечку и попросить: «*Матушка Богородица, покрой землю снежком, а меня – женишком*».

Примерно половина опрошенных хотя бы иногда посещают церкви, храмы, часовни, соборы, монастыри. Чаще всего это происходит во время религиозных праздников и обрядов, а также – «из любопытства», «из интереса», «помолиться о ком-либо или о чем-либо», «помянуть умерших», «поставить свечки за здравие» и др. Обязательное коллективное и семейное посещение церкви в воскресные дни практикуется, например, среди современного казачества в г. Ноябрьске Ямало-Ненецкого автономного округа.

В русском церковном календаре большая часть года (около 200 дней) приходилась на посты. «Посты в известной мере – лакмусовая бумажка для христианина... Пост – торжество духа и тела в их укрощении и очищении... Истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения (прекращение клеветы), лжи, клятвопреступления...» [15]. Среди современных жителей Западной Сибири подавляющее большинство опрошенных имеют наиболее четкие представление только о Великом посте (7 недель перед Пасхой), который считается наиболее строгим (особенно – первая и последняя его недели). Вслед за ним по частоте упоминаний следуют Рождественский пост, Филипповский и Петровский, однодневные посты известны менее всего. В целом, более 70 % опрошенных в 2000–2007 гг. религиозные посты не соблюдали или сводили их только к ограничению потребления мясомолочной (скромной) пищи. Неодинаковое отношение к разным постам у русских встречалось повсеместно. «Особенно большим грехом считалось нарушение Великого поста; почти такое же отношение было к Успенскому посту и отдельным дням строгого поста (Крещенскому сочельнику, Дню Ивана Постного и Воздвиженью). Нарушение остальных постов воспринималось обычно как менее тяжкий грех» [16]. В последние годы появляется все больше людей, желающих «выдержать пост» не только ради очищения организма, но и для духовного совершенствования, развития внутренней нравственной дисциплины, укрепления силы воли, умения ограничивая себя.

В современной культуре русского населения Сибири влияние православного мировоззрения прослеживается в совершении многих магических действий. По-прежнему молитва и крест считаются наиболее действенными оберегами от «всяческой напасти». Особенно активно используются они в практической деятельности различных знахарей и целителей. Вот характерный пример из экспедиционных записей 1989 г.: «Муж помер, а жена шибко скучала по нем. У ней трое детей осталось... А муж стал к ней ходить. Каждую ночь приходил. Она боялась, стала к детям ложиться, а он все равно приходит. Сходила она к соседям, они ей: «Помолебствуй в церкви». Она помолебствовала пошла. Легла ночью спать, а он пришел и говорит: «А, догадалась?». Исчез и с тех пор не стал ходить» [17].

Традиционный крест являлся наиболее распространенным надгробным сооружением у русского населения Западной Сибири еще в середине XX в. Позднее появилась тенденция замены деревянных крестов разнообразными надгробиями из металла, мраморной крошки и плит. На могиле солдата (офицера) встречаются красные звезды наверху надгробного сооружения, у шоферов – руль автомобиля, на могилках куривших при жизни людей оставляют сигареты /папиросы, на детских могилках – игрушки. В настоящее время поминальная тризна совершается в день похорон, а также на 9-й и 40-й дни после смерти (в некоторых семьях отмечают и 20-й день), на годовщины смерти и дни рождения умершего. Повсеместно на поминальных столах

встречается кутья, блины, пироги, компот, реже – кисель. В отдельных семьях (преимущественно – в сельской местности) готовят традиционное поминальное кушанье – овсяный кисель. Известно, что если покойник умер в пост, то и поминальная пища должна быть постной. Это правило сохраняется, но не везде. Предполагается, что души умерших присутствуют незримо на поминках, поэтому на столы не принято класть острые, колющиеся предметы (ножи, вилки). В экспедиционных записях зачастую встречаются рассказы о посещении во время сна умерших, общении с ними, о том, как предки предупреждают о грядущей беде или сообщают о будущем радостном событии. Считается, что покойники снятся к перемене погоды, а также – *«чтобы их помянули»*. Основными поминальными днями для умерших естественной смертью являются Радунца (Родительский день) и Троица. Согласно традиции, принято поминать в первой половине дня, обычно – в полдень. По возможности, в эти дни посещают кладбище и «кормят умерших»: на могилку кладут или крошат хлеб (блины, булочки, печенье), вареные яйца, конфеты, фрукты, иногда выливают рюмку вина или водки. После возобновления деятельности церковью возродилась традиция ставить свечи «за упокой души» и заказывать «Сорокоуст».

Православные традиции четко прослеживаются в современных представлениях о душе. Некоторые респонденты считают, что *«Бог создает душу на небесах»*, *«Душа – это часть Бога»*, *«искорка Божья. Тело – лишь инструмент для совершенствования души, оно меняется»*, *«Дух, душа, разум, это то, что сближает нас с Богом»*, *«Душа – это борьба Бога и Дьявола, это борьба – жизнь человека. После смерти только известен победитель»*, *«Душа – это легкая прозрачная оболочка»*, *«некая аура»*, *«Душа, в моем представлении, это некая субстанция, которая существует в вечности, периодически возвращаясь в человеческое тело. Душа, с точки зрения изотерических наук, нечто схожее с кармической системой»*. Около 30 % опрошенных считают, что душа проходит очищение в чистилище, а затем, в зависимости от ее земных деяний, отправляется либо в рай, либо в ад (*«в мир добра, Бога или мир зла, ад»*, *«Душа после смерти физической отправляется в ожидании вечного блаженства или вечной муки, т.е. ожидание Страшного Суда, после которого грешники – в Ад, праведные – в рай.»*). Примерно 15 % респондентов высказали мнение о том, что *«душа улетает на небо/небеса/небосвод, небесное царство»* или *«уходит в другой/иной/параллельный/астральный мир, мир духов»*. Около 3 % опрошенных считают, что *«души умерших остаются среди нас»*, *«продолжают существовать в нашей памяти, душах любящих людей»*, *«Душа мысленно всегда остается с людьми, которых когда-то этот человек любил»*.

Для русского человека характерной чертой являлась веротерпимость, снисходительное отношение к людям различных конфессий. Несмотря на то, что религиозный фактор в начале XXI в. многими воспринимается как этнодифференцирующий (угроза мирового терроризма, война с «неверными» и т.д.), наряду с этим характерным явлением становится тенденция

объединения различных конфессий на основе суждения, «*что Бог един, ни Иисус/Христос, ни Аллах*». На современных кладбищах можно встретить совместные захоронения православных и мусульман за одной общей оградой и общим рвом (иногда – в разных концах кладбища, иногда – вперемежку). Эти захоронения стали совершаться в 1950–1960-е гг. Согласно экспедиционным материалам 2002 г., в Омской области совместные захоронения русских и татар совершались еще раньше: «*В Малой Каве Знаменского района с 1941 г. на татарском кладбище стали хоронить русских, только в другом углу. Так и хоронят в одной ограде: с одной стороны – кресты, с другой – полумесяцы*». В настоящее время, независимо от вероисповедания, ходят на похороны друг к другу люди разных национальностей, совместно отмечают традиционные религиозные праздники.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современной культуре русского населения Западной Сибири православие продолжает сохранять свои традиционно значимые функции. Так, год от года растет количество лиц, называющих религию в качестве главного этнодифференцирующего и этноинтегрирующего признака (от 15% в 1980-х гг. до 70% в 1990-х). При ответах на вопрос: «*Как бы Вы себя назвали?*» в последние годы встречаются следующие единичные ответы: «*православный*», «*христианин*», «*раб божий*». Один молодой человек назвал себя «*Человек-Бог*» и пояснил, что: «*В Библии написано, что в каждом человеке живет Бог*». Хотелось бы отметить, что среди русских даже в годы советского атеизма не переводились люди, которые полагали, что «*Все от Бога*», «*На все воля Божья*», «*Бог все видит*», «*Бог всех рассудит*». Как в их среде, так и среди людей, считающих себя неверующими, продолжали активно употребляться и употребляются следующие пословицы, поговорки и словосочетания: «*Слава Богу!*», «*Бог в помощь!*», «*Дай Бог!*»/«*Не дай Бог!*», «*Бог с тобой!*» «*Ради Бога/Бога ради!*», «*Господи, помилуй, спаси и сохрани!*», «*С Богом!*» (в дорогу, начиная важное дело), «*Не гневи Бога!*» и др. Среди любимых изречений современного русского населения Западной Сибири встречаются следующие: «*На Бога надейся, да сам не плошай!*», «*Бог не выдаст, свинья не съест*», «*Идущий да обрящет!*». Существующие религиозные представления отличаются значительной аморфностью и многообразием, зачастую не совпадает самоидентификация и реальная ситуация. Количество «*истинно верующих*» людей, регулярно участвующих в религиозных обрядах, знающих и соблюдающих основные каноны религиозной веры, является незначительным (несмотря на то, что подавляющее большинство считают себя православными). Обыденному религиозному сознанию присущи различные традиции, представления, чувства, привычки без соответствующих религиозных действий и без включенности в какие-либо религиозные организации. Сознание этого уровня носит ярко выраженный, индивидуально-личностный характер и положительный оптимистический настрой. Дальнейшее осмысление этой проблематики требует более детального изучения этой проблемы, расширения источниковой базы и обработки собранных и накопленных материалов.

Литература

1. Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В. Православие в русской народной культуре: направление исследований // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 6. – С. 60–84.
2. История религии: В 2 т.– М., 2002. – Т. 2. – С. 97.
3. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. – М.: Наука, 2001; Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX–XX вв. /Сборник статей. – Новосибирск, 2005; Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. / Колл. монограф. /под ред. Е.Ф. Фурсовой – Новосибирск, 2006.
4. Жигунова М.А. Некоторые проблемы, методы и результаты исследований русской культуры в Сибири // Культурологические исследования в Сибири. – 2006. – № 2 (19). – С. 20–26.
5. Жигунова М.А. О религиозном сознании русских Западной Сибири в последней четверти XX века // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2001. – Вып.4. – С. 123–124; Жигунова М.А. О погребальном обряде русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. – С. 49–55.; Жигунова М. А. Конфессиональная принадлежность и ее проявления в современной культуре русских // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 2005. – С. 84–88; Жигунова М.А. Религиозная идентичность в современной культуре русских Западной Сибири и Северного Казахстана (К постановке проблемы) // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. // Колл. монограф. / под ред. Е.Ф. Фурсовой. – Новосибирск, 2006. – С. 59–70.; Жигунова М.А. Этническая, региональная и религиозная идентичность современных русских жителей Западной Сибири // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. – Владивосток, 2007. – С. 43–61 и др.
6. Аринин Е.И. Религиоведение (введение в основные концепции и термины). – М., 2004. – С. 32.
7. Алексеева Л.Я. Современные праздники и обряды в деревне. – М., 1968. (Библиотечка сельского профактивиста). – С. 6.
8. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М., 1990. – С. 267.
9. Шурыгин Д. Растут как поганки // Новое обозрение. – 1997. – 28 мая.
10. Першина Л. Всем нам так нужна нравственная опора в жизни // Новое обозрение. – 1997. – 19 марта.
11. Жигунова М.А. Родины и крестины у русских Западной Сибири (XX век) // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. – Омск, 2005. – С. 184–194.
12. Листова Т.А. Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М., 2003. – С. 693.
13. Корабль-церковь плывет по реке // Вечерний Омск. – 1997. – 18 июня.
14. Любимова Г.В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. / Колл. монограф. – Новосибирск, 2006. – С. 47.
15. Болонев Ф.Ф. Русские православные посты. – Новосибирск, 2002. – С. 5–6.

16. Воронина Т.А. Особенности соблюдения постов в народной среде в XIX в. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. – М., 2001. – С. 55; Громько М.М. Традиционный нравственный идеал и вера // Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М., 2003.(Народы и культуры). – С. 659.

17. Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты. – Омск, 2000. – С. 156.